

ПРАВО И ИДЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДИСКУРСА

***Аннотация.** В статье рассматриваются методологические аспекты концептуального ряда социального знания: идеология, политика, право. Необходимость формирования четкого категориального аппарата в исследуемых областях рассматривается с позиций актуализации влияния права на формирование современного активного правосознания и соизмеримости реализации правовых идей в сферах правотворчества и правоприменения. Автор анализирует отношения между понятиями общества, государства и личности в рамках дискурса права как идеи, права как отношения и права как процесса.*

***Ключевые слова:** право, политика, идеология, правосознание, юридическая техника.*

LAW AND IDEOLOGY IN MODERN SOCIETY: METHODOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH DISCOURSE

***Abstract.** The article examines the methodological aspects of the conceptual series of social knowledge: ideology, politics, law. The necessity of forming a clear categorical apparatus in the studied areas is considered from the standpoint of actualization of the influence of law on the formation of modern active legal consciousness and commensurability of the implementation of legal ideas in the areas of law-making and law enforcement. The author analyzes the relations between the concepts of society, state and personality within the discourse of law as an idea, law as a relationship and law as a process.*

***Keywords:** law, politics, ideology, legal consciousness, legal technique.*

Возникая, развиваясь и видоизменяясь вместе с человечеством, право предстает перед глазами исследователей как не прерывающееся единство идей, отношений и процесса. Вопросы взаимодействия философии права и политики уже рассмотрены, но существенным и актуальным остается вопрос того, что лежит в основе правового мировоззрения, формирует правосознание и, тем самым, наполняет процессы правотворчества и правоприменения живым имманентным содержанием.

Между тем, интродукцией к данному исследованию является особенность права, как наиболее сложного в своем публичном становлении, и наиболее отчужденного в процессе коммуникативной деятельности любого из человеческих сообществ, имеющих отношение к современным формам цивилизации. Когда же речь заходит о таких категориях, как правовое мировоззрение, правосознание и, в особенности, идеология права, возникает насущная потребность ювелирно точной исследовательской позиции.

С одной стороны потому, что многие понятия в этой сфере имеют обыденное социально-психологическое применение; с другой стороны, ровно наоборот, являясь функционалом наиболее поздних слоев отчуждаемой и превращенной реальности, категории такого уровня общественного сознания, как политическая идеология, рассматриваемые в предметном поле реальности правовой, искусственно выделенной сознанием как социальный интеллектуальный конструкт, превращенный повседневной коммуникативностью социума в объективную данность, — представляются предельно сложными в имманентности собственных дефиниций.

Но это первое приближение актуальности поставленной проблемы исследования идеологии права. Вторым можно рассматривать соотношение понятий политической идеологии в полном логическом объеме и содержании, идеологии политики и идеологии права как элементов сторон категории как философии, так и политической науки.

Не менее важным выступает акцент в таком определении как правовая идеология, которая не является синонимом идеологии права и даже системным элементом последней. Правовая идеология суть функция правового мировоззрения, которая в формате конкретного теоретического правового поля и его институтов проявляется как методология конкретных правовых дисциплин и функция идеологического (мировоззренческого) обеспечения политики социума и ядра его политической системы-государства в сфере публичного права и объективных правовых отношений.

И, наконец, последнее приближение, анализ которого с силой закона делает выводы системными, заключается в том, что как само общество гипотетически есть единство сознания, коммуникации и деятельности, так и право, как наиболее поздний из его вторичных слоев отчуждения, — суть синтез и единство права как идеи (сознание), права как отношения (коммуникация) и права как процесса (деятельность).

Таким образом, именно содержание этих трех приближений являются постановочным исследовательским дискурсом предлагаемой статьи.

Соответственно поставленным задачам мы структурируем исследуемые вопросы. Историографический краткий обзор даст представление о степени разработанности анализируемой проблемы, затем будет разработан и использован специальный методологический инструментарий. В нашем контексте собственно методологический аспект идеологии права в поле общественного сознания также имеет место в качестве независимой цели работы.

Второй пласт рассмотрения вырисовывается как развертывание логической полноты качества категории идеология права и собственно права, анализируемой в исторической последовательности смены форм отчуждения в различных слоях социальности, в конкретных способах производства. В результате мы должны увидеть общее, особенное и единичное в понятиях идеала, закона и права, вскрыв основания всей палитры исторических и теоретических интерпретаций современных социально значимых юридических дефиниций.

Заключительная часть статьи посвящена исследованию феномена правовой идеологии, процессу идеологического, с точки зрения права, норм морали и нравственности, обеспечения политического процесса в современном обществе. Удивление И. Канта наличием морального закона в себе должно уступить место убежденности в объективном характере взаимосвязи и взаимной обусловленности внешнего закона природы, внутреннего идеала личности и справедливости закона как социального права.

Историографию изучения проблемы идеологии права мы излагаем кратко, так как принципиально различных подходов не очень много, в большинстве глубинная связь между философскими, теоретическими и конкретно-научными форматами либо отсутствует, либо она весьма поверхностна.

* * *

Большинство исследовательских позиций располагаются на шкалах теоретического и конкретно юридического базового аппарата. Примером может служить дефиниция Н.С. Жукова: «Правовая идеология — это систематизированные теоретические представления о праве, которые выражаются в юридических понятиях и категориях. Это высший уровень правосознания» [1]. Вместе с тем, в современной действительности существует и расширительное толкование связи между философским основанием права и мировоззренческими системами его интерпретации. Так, ряд исследователей считает, что различные типы правосознания формируют соответствующую правовую идеологию, в качестве предмета которой некоторые исследователи выделяют основные формы правовой парадигмальности юриспруденции [2, с. 41], исторические корни национальных правовых систем и даже религиозную онтологию, по крайней мере, в поле существования современных великих религий.

Естественно, что к актуальному периоду истории определенный категориальный ряд в сфере права меняет устоявшиеся позиции. Разделение труда в исторической ретроспективе привело как к отделению публичной власти от демоса, так и воплотилось в реальных форматах публичного и частного права. Однако и сегодня неоправданно относя такие категории как естественное право, позитивное право, нормативизм к сфере духовного, идеологического, их рассматривают с позиций разных идейных установок в политическом и правовом процессах [2].

Реальность постиндустриального мира значительно расширила возможные границы диалектической взаимосвязи права, правовой и социальной действительности, уточнила понимание складывающихся отношений, процессов и механизмов сложного социального взаимодействия. В этом ракурсе историография демонстрирует проблему «вмешательства» в правовую и собственно теоретическую сферы содержательных аспектов, знаковых систем и способов понимания и проживания не только не смежных, но формально даже функционирующих в разных формах человеческого мировосприятия познавательных систем. Примером может служить применение в правовом исследовании методов таких сравнительно новых исследовательских инструментов, как семантика, семиотика, герменевтика. И проблема не в их применении, а в том, что они, как правило, имеют предметом исследования не предметную область права, как философии, теории или практики, а внутреннюю архитектуру самого права как текста или смыслового поля [1].

Современным веянием в научном мире выступают различные производные формы гносеологии, такие как социология права или новая криминология, которые в качестве реальности правоотношений в их вторичности к объективному бытию рассматривают идеологию права с позиций мифологического обоснования формируемого самими исследователями феномена социального или правового конструкта [3]. Сюда же можно отнести концепции «живого права», рационального правосознания, использование фрагментов синергетики (впрочем, зачастую неправомерно в силу подмены понятия) [4, с. 136–143].

Значимым аспектом изучения идеологии права и сегодня является длящаяся попытка расположить всю полноту данной проблематики в границах ответа на основной вопрос философии о проблематичности и первичности бытия или духа. Поскольку существует только два принципиально отличных ответа, то фактически и ряд исследовательских позиций располагается в их градациях, то есть субъективных границах идеалистического или материалистического подхода к исследованию оснований всех социальных процессов.

Следует отметить, что с позиций историко-материалистического понимания социальных процессов К. Маркс и Ф. Энгельс, вся марксистская школа социального знания, выделяли право как выражение воли экономически господствующего класса. При этом, как считает А.Г. Чернявский, влияние интересов правящего класса на право отрицать невозможно, но не стоит и преувеличивать [4, с. 136–143].

Можно сказать, что борьба классовых предпочтений выступает непосредственной предпосылкой возникновения права. Вместе с тем, единство их противоположностей дает возможность не только его устойчивого исторического существования, но и развития до момента снятия в качестве отчуждаемого социального слоя. При этом можно отметить, что уровень современных методологий и содержания научных знаний, особенно естественнонаучных, позволяет скорректировать акценты.

С нашей точки зрения, идея права не определяется онтологическим основанием, ни материя, в качестве марксистских способов производства, ни Бог, Абсолют или Дух не есть идея, идея — их порождение — у объективных идеалистов и отражение — у материалистов. Для субъективных идеалистов идея — лишь уникальный способ их своеправия в границах индивидуального переживания и освоения реальности, в том числе правовой.

Самой политизированной формой исследования дискурса идеологии права является попытка обоснования необходимости единой государственной идеологии, в границах которой государство, правовые структуры призваны формировать разумную, жизненную, исторически обоснованную политическую идеологию, которая учитывала бы не только официальные концепции, но и впитывала бы в себя культурно-нравственные, политико-экономические и иные ценности и идеалы народного бытия и человеческой жизни [5].

Можно согласиться с позицией А.Г. Чернявского, что существует определенный социальный заказ на право, и он реализуется в рамках общественного договора. Общество признает правительство, подчиняется ему, но взамен ожидает от него определенных действий, соответствующих интересам общества, в том числе установления четких и понятных правил поведения, системы норм, регулирующих общественные отношения. Соответствие правовых норм общественным запросам является одним из необходимых условий признания легитимности власти [6, с. 4].

Однако в формате данной позиции речь идет не о роли политической идеологии, как высшей формы общественного сознания, а о правовой системе общества, координирующую роль права в организации социальных, и, особенно, правоотношений. Собственно именно этот дискурс и является определяющим в содержании предлагаемого исследования.

Можно приводить еще множество исторических и современных, философских, научных и политизированных ссылок на актуальность, многоаспектность и разноплановость исследуемой темы [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Но можно и ограничиться уже приведенным информационным материалом и присоединиться к точке зрения А.М. Михайлова, который так сформулировал ее необходимость и актуальность: «Хотя современный этап в развитии теоретического правоведения характеризуется повышением внимания к проблематике природы идеологии, идеологической функции юридического знания, значению государственной идеологии для развития общества, тем не менее следует констатировать, что до сих пор отсутствует общепринятое понимание сущности правовой идеологии, разработки понятия правовой идеологии, его связи со смежными теоретическими понятиями, обоснование принципиальных различий правовой идеологии и идеологии политической (государственной), серьезное осмысление функций правовой идеологии в правовой системе общества» [14].

Из этого вырисовываются два взаимосвязанных вывода: во-первых, тема мировоззренческого функционала права, то есть именно идеологии права, предельно актуальна; и, во-вторых, проблема, прежде всего, упирается не в количество экспериментального фактического материала, не в расхождение общепринятых дефиниций, а в то, что приводит к разбросу в определениях — отсутствию единого научного инструментария — методологии исследования права и четко выделенного категориального ряда в ее границах.

Даже краткий обзор некоторых взглядов на проблему идеологии права дает основания для вывода о том, что нормы права не могут одновременно удовлетворять запросам всех членов любого, взятого в своем многообразии человеческого сообщества. Мы уже рассматривали политические и философские грани права в ряде предыдущих статей. Однако, понимая актуальность, а в некотором смысле и жесткую практическую необходимость результатов для стратегий развития в информационном, то есть предельно идеологизированном строе общения, данную статью мы посвящаем исследованию идеологии права.

Рассматривая в анализируемом материале предметное поле идеологии права, как в широком, мировоззренческом, так и в узкопрофессиональном, присущем юриспруденции, смыслах, — мы тем самым заканчиваем освещение темы роли и места права в социетальном обществе и его ядре — политической системе [15;16;17].

Анализ любого явления или процесса, протекающего в реальности, имеет три уровня осуществления сформулированной цели. Это уровни методологии, то есть выработки принципов, способов и методов познания сущности выделенной научной проблемы; уровень теоретических обобщений и категориального строя предметного поля исследования, в свою очередь выступающим как методология для третьего уровня — анализа конкретных научно-прикладных и практических сторон изучаемого феномена, механизма или процесса.

Если в смысловом поле второго уровня исследователь получает возможность использования понятийного теоретического инструментария, то собственно последний уровень — это процесс перевода понятийного аппарата теории в плоскость практически-прикладной методики исследования, результатом которой является определение конкретных проблем в конкретной сфере социальной практики и формулирование эффективных способов их диалектического и практического разрешения.

Таким образом, сформированная как отражение объективной социальной реальности, гносеологически выделяется матрица всего спектра сторон и граней такого предмета исследования, как право. И это — правовая реальность, которая творится и творит самое себя посредством специфической стороны общественного сознания — правовым сознанием. Данная, уникальная для социума и общественного познания, способность одновременно быть следствием одного уровня бытия и причиной формирования следующего,

приводит к пониманию того, что любой объект, выделяемый исследователем в качестве предмета познания, также носит маркеры осознанной уникальности.

С одной стороны, он является объективной реальностью мира и общества. С другой стороны, исследователю он представляется как искусственно созданный объект интеллектуального творчества, в процессе которого из многообразия реальных взаимодействий процессов и объектов, познающий разум субъективно выделяет только те, поведение которых поддается действию закономерностей его сборки и функционирования.

Важно подчеркнуть, что в признании его объективных оснований наш метод противоположен гипотезе социальных симулякров. А с точки зрения познания он — идеальный снимок, параметры которого в правовом поле формируются самим познающим интеллектом. Противоположность и единство метафизики и диалектики соединяются в новом предметном поле правосознания. В собственных границах выделенная система естественным образом будет анализироваться метафизически в отношении своих взаимодействий с иными системами. Но в границах самой данной системы все объекты, процессы и явления исследуются с учетом всех преимуществ диалектики¹.

В свою очередь, данный факт свидетельствует о возможности построения работающей исследовательской модели на уровнях соответственно эмпирического обобщения, гипотезы или теории. Данный эвристический подход выступает, с точки зрения методологии, системным методом. Зависимость от развития объективной социальности и способность интеллекта творить в ее границах третий слой отраженного бытия, то есть правовую реальность, — особенность права как феномена общественной жизни, так и в качестве уникальной возможности разумной деятельности.

Поэтому, когда речь идет о правовом мировоззрении, в свои права неизбежно вступает наиболее широкое поле — дискурс философии права. Причем, необходимо особо обратить внимание на то, что точность категориальных дефиниций служит не только логическому пониманию процесса формирования идеологии права в ее онтологии и гносеологии, но и определяет содержание и характер практически всей системы правовой коммуникации в социуме. Но вне выделенного предметного поля весь спектр идей и воззрений, развертывание которых находится за его пределами, при всей

¹ И в данном конкретном случае необходимо сделать пояснения, ранее относящиеся к школьному курсу обществоведения. В философии существует два предельно широких метода диалектики как науки о всеобщей взаимосвязи и наиболее общих законах мира и мышления. Это метафизика и диалектика. Метафизическим, в контексте методологии, называется такой способ познания, когда конкретное явление изучается в отрыве от его внешних связей и взаимодействий, то есть, статически. Диалектический метод, в свою очередь, предполагает изучение любого процесса, объекта или явления с позиций развития и всего многообразия его внешних отношений и взаимодействий. Наряду с этими предельно широкими методами познания существует деление на анализ и синтез; индукцию и дедукцию и др.

их возможной наукообразности и привлекательности не может быть адекватным данному анализу по определению.

С этой точки зрения, в качестве общей вводной диспозиции необходимо дефинитивно развести ряд основных понятий, которые на уровне отношений и процессов различны, но в теоретическом отражении философских воззрений на реальность представляются гранями (сторонами) единого мировоззренческого контекста. Речь идет о таких понятиях, как идеология, идеология права и правовая идеология. Их рассмотрение, точное дефинирование, и, как следствие, адекватное использование в теории и на практике, возможно только четко отграничивая их формальные объемы и содержание в формате диалектической логики².

В условиях функционирования современной системы научных изысканий широкая разветвленность систем теоретического уровня конкретно-научного, да, впрочем, и фундаментальных знаний, породила различную семантику единого мирового дискурса. Выводы конкретных, дискретных под- и систем наук привели к тому, что их содержательные элементы и знаковые восприятия наполняют не смыслы основ творения, как синтеза «древа познания», а напивают сиюминутную жажду потребления единичного узко профессионального интереса. Да и то в превращенной и искажающей реальность форме симулякров.

Важно остановиться еще на одной, с нашей точки зрения, важной методологической позиции.

Общий вектор как познавательной, так и практической технологической активности человечества с силой неизбежности привел к таким когнитивным сбоям, как, во-первых, к представлению возможностей отростков «древа познания» в качестве возможных оснований реформирования бытия при ослаблении интегрирующего потенциала базовых знаний; во-вторых, к постоянному процессу, увеличивающему скорость и ареал распространения, замены в исследовательских системах естественного на искусственное с доминированием эффективности практического внедрения результатов последнего; и, наконец, в-третьих, сегодня широко используется практика внедрения в предметное поле конкретных дисциплин смыслов, знаковых систем и методов смежных, и не только, а иногда несовместимых, познавательных систем.

Представляется, что в границах диалектической логики на новом витке процесса познания становится возможным повторение таких типичных ошибок формально-логического мышления, как «ошибка круга» и нарушение

² Следует сказать, что в силу ряда обстоятельств специфика надстроечной, идеально-правовой проблематики — а идеологические, мировоззренческие и духовные вопросы относятся именно к этому ряду, — оспаривалась и до сих пор оспаривается. Так как считается, что она — либо одна из областей социальной философии, либо раздел теории государства и права. Между ними действительно существуют многообразные внутренние и внешние связи, однако предмет философии права имеет свою особую проблематику, которая составляет специфическую область философско-юридического знания.

основополагающего принципа «бритвы Оккама». Заимствования из смежных систем — это круг; не позиция, дающая полный и исчерпывающий ответ, а бланкет (отсылка) к парафразу проблемы, но в ином смысловом дискурсе.

Смена естественнонаучных парадигм неизбежно отразилась в теоретических воззрениях гуманитарного знания. В результате спонтанно произошел качественный взрыв, приведший, в свою очередь к аналогичному естествознанию процессу слияния принципов и исследовательских позиций разнородных познавательных систем, взаимопроникновения в единый объект исследования предметно-аспектных, методологических и теоретических моделей различных отраслей знания. И зачастую, напротив, отчетливо проявился факт того, что субъективная модальность исследовательской позиции одного знания искусственно замещает единое тело объекта познания иной познавательной системы виртуальными полями собственного предметного конструирования.

Аналогичной исследовательской позицией конкретный реальный объект замещается через формирование фантомного предмета (аспекта, не являющегося свойством или стороной данного объекта) на субъективную модель, которая отражает уже не сторону действительности, а внутренний строй спекулятивного авторского мышления³.

Снова повторимся, субъективной авторской, но объективной исследовательской позицией является исторический материализм, как система познания наиболее общих законов развития природы, общества и познания, диалектически примененная к социальному контексту. Именно в его поле возможна не попперовская игра случайностей, не либеральный перепев вечности сложившихся отношений, а научное, объективное познание мира в его диалектической взаимосвязи всех сторон и форм социального бытия адекватно эффективным направлениям социального движения.

Причем, названный предмет — это не уникальность и единичность диффундированного отчужденного социального бытия, а развитие социума согласно познанным закономерностям объективной реальности и реальности субъективной, в случае с идеологией права, отраженного в гносеологическом поле общественной действительности.

Исходя из сказанного, мы можем констатировать, что всеобщую реальность права как идеи, в отличие от распространенных доктринальных воззрений, составляет не правовое, а социальное бытие. В той мере, в какой пространство правовой реальности входит в общую конструкцию объективного бытия, оно имманентно, вещно; включает в свой объем все многообразие

³ Однако они обе суть закономерность познания, их принцип, нарушения которого приводят к негативным следствиям изучения реальности и, как следствие, к деформированным методам и механизмам отношения человека с окружающим его миром природы и социальным миром. С учетом того, что изучаемые объекты и процессы имеют тенденцию к глобализации своих параметров и взаимодействий, и того, что прошлое столетие стало началом потенциально возможного процесса сознательно управляемой социальной жизни, погрешности в методе научного знания могут обойтись человечеству очень дорого.

и сложность социума, отражая в нем особенности правовой реальности как отношение права со всем спектром пространственных, временных и процессуальных взаимодействий со всеми сферами общества.

Формируясь многообразием социального бытия, коммуникация социального взаимодействия отражается как идея социальных отношений в общественном сознании особым образом, — как правовое мировоззрение, в определение которого входят элементы среды жизни права: нравственные, психологические, политические и другие факторы, ее составляющие.

В рамках правового мировоззрения формируются такие базовые институты правосознания, как справедливость, духовность, мораль, которые и выступают основными несущими создаваемой идеей права конструкцией правовой реальности. Правовая реальность и право, взятые как регулятор системы общественных отношений, становятся в этом случае средством управления социальными процессами. Таким образом, сферой жизни правового бытия оказывается система правовых отношений, созданная идеей права, реализованная в правовых нормах, юридическом знании, правовой культуре.

Субъективное же бытие права — это отраженные в правовой идеологии правовые идеи и понятия, воплощенные в институтах права конкретных юридических дисциплин. Следовательно, допустимо суждение о том, что правовое бытие охватывает все объективное и субъективное право как нечто реально существующее [18, с. 5–6].

Из этого с силой познавательной закономерности вытекает, что идеология права, являясь объектом и производным в качестве особенного по отношению к универсализму философии права, выступает как уникальное по отношению к уровню теории государства и права, формируя его, и как всеобщее в отношении единичных отдельных отраслей юридического знания.

Именно здесь отчетливо проявляется заключенное в юридическом многообразии единство права, как его идеи, однако не гносеологический и праксеологический аспекты имеют для социума приоритет. Представленный дискурс раскрывает сущность идеологии права, как мировоззренческого базиса, представляющего собой содержание социального знания о праве, механизм рационального познания и процесс формирования правовой действительности. Причем, раскрывается данный вывод как рефлексия самого пути складывания правовой гносеологии в целом и правовой этимологии конкретно.

Используя предложенный собственный логико-гносеологический понятийный аппарат, можно в его формате осмыслить некоторые важные стороны действительности, взятой интегративной функцией идеи в единстве социального бытия и правовой реальности. В частности, если принять как факт, что с мезолитической революции после биологической оформленности человека нашего физического типа не только возник, но и стал доминирующим процесс не индивидуальной биологической, а коллективной социальной

спирали эволюции деятельного коммуникативного отбора, то понятно, что с учетом тезиса о том, что в обществе даже природные законы преломляются через индивидуальное сознание, — все-таки именно общественное сознание начинает выделяться и господствовать над сознанием личности⁴.

И, если объективно говорить о сущности права и его генезисе, придется констатировать, что только идея права позволяет выделить все многообразие связей права со всеми частями социального организма, вычленив точное место права и его значение для сообществ. В силу своей природы предложенная методология позволяет осмыслить невозможность объяснения права из себя самого, вне доминирующего контекста социальности и стратификационных идеальных интересов⁵.

Не менее важен социальный аспект исследуемого явления. Он отражает общественную направленность содержания права, цель и смысл познания правового бытия. Критерием правовой аксиологии, оценки самого права и способов его реализации, возможен только взгляд с уровня теоретически осознанного социального бытия, в границах идеологии права [18, с. 7]. В таком аспекте идеология права является отраженной в теории системой взглядов и принципов, ценностей и идеалов, определяющих как отношение к правовой действительности и общее понимание права, так и правовые позиции, целевые установки и задачи деятельности личности в мире правовых реалий.

В этом смысле хотя и можно утверждать, что понятия идеологии права и правового мировоззрения практически тождественны, но это не так. Приведенное определение действительно является определением правового мировоззрения, взятого в полноте собственной социальности. Но стоит добавить, что в теории отражаются не все грани правового видения, а те, которые рассмотрены под углом социально-стратификационной (классовой, групповой) системы коренных интересов, и появляется четкое определение категории идеологии права.

Итак, идеология права — это система отраженных в теории коренных интересов определенной страты, класса, группы по поводу взглядов и принципов, ценностей и идеалов, определяющих как отношение к правовой действительности, так и правовые позиции, целевые установки и задачи деятельности общества в мире реалий социальных.

⁴ В данном смысле проблема естественных прав и их защиты государством не так проста и безопасна для эволюции *homo sapiens*, как это в обыденном сознании представляется.

⁵ В этом значении, по мнению А.К. Черненко, ее предметом оказывается познание истины и, в конечном счете, раскрытие «общественного идеала»; познание того, какими должны быть разумный, справедливый, правовой общественный строй и соответствующие ему право и государство. Правовое мировоззрение как учение об общественном идеале, справедливо отмечал С.Л. Франк, оправдано исторически как «естественное удовлетворение некоего постоянного, неискоренимого запроса человеческого духа. Во все времена люди думали и должны были думать о том, что есть подлинная правда, что должно быть в их общественной жизни и, естественно, что эта мысль и духовная забота должна была сложиться в особую научную дисциплину».

Таким образом, несмотря на то, что сегодня наблюдается широкое многообразие философских, социологических методов, которые, складываясь в конфигурацию неких методологических систем, различными способами пытаются определить искомый социальный и правовой феномен (например, можно назвать методологию позитивизма, эмпиризма, бихевиоризма и такие сферы философского и отчасти правового анализа, как герменевтика, семантика, синергетика, феноменология), с нашей точки зрения, ведущими были и остаются диалектика и историзм.

На наиболее обобщенном уровне философского осмысления можно сказать, что изложенное позволяет сформулировать и следующую дефиницию: идеология права выступает как правовое мировоззрение, взятое в качестве теоретически отраженной системе коренных воззрений на право господствующей страты социума. Фактически речь может идти о субъективной правовой реальности, отражающей сущность права как идеи, как естественного права (сущего), через интенцию личности и общества на систему отношений, фиксированную в позитивном праве (должном).

Идеология права позволяет взглянуть на него — на правовую сферу общества, — как на подсистему более общей системы, каковой является социальная система не только в целом с присущими ей многообразными атрибутами и сферами жизни, но и с позиций теоретически выверенных коренных интересов на право основных таксонометрических единиц политической системы.

Правовое мировоззрение в качестве идеологии права выступает наиболее широкой категориальной основой теории государства и права, и тем самым формирует методологическую основу рационального правового познания. Она призвана способствовать осознанию и теоретическому обоснованию мировоззренческих установок относительно права. В свою очередь, по вектору обратной связи, возвращая отраженное с отмеченных позиций знание субъектам познания и политическим акторам, правовое мировоззрение, являясь идеологией права, как сторона общественного сознания, выступает в качестве методологической базы по отношению к правовой теории и другим юридическим наукам, превращаясь в качестве идеологического обеспечения в категорию правовой идеологии.

Причем, если в той или иной юридической науке метод является как бы предпосылкой и условием исследования, то рефлексия есть одновременно и содержание, и метод. Именно в силу такой диспозиции становится понятным, почему правовая идеология есть общая методологическая база правовых институтов и процессов. В ее структуру входят правовые взгляды и убеждения, а также мировоззренческие оценки, критическое осмысление явлений, ценностные ориентации в системе правотворчества и правоустановления. Субъектами правового мировоззрения, как считается, являются отдельные личности, социальные группы и иные структурные организации людей.

Правовая идеология — это основа и условие формирования правовой культуры, типа личности, ибо индивид приобретает черты и свойства личности лишь в процессе социализации. Это позволяет некоторым исследователям даже делать вывод о том, что «степень развития правового мировоззрения в немалой мере определяет степень цивилизационной зрелости общества, социальных групп, отдельной личности»⁶ [18, с. 8–9]. Таким образом, именно правовое мировоззрение становится теоретическим основанием правосознания, понимаемого как отражение в сознании общества реальности через призму идеального должного в системе всей совокупности человеческих отношений. Диспергированное подобно свету, прошедшему сквозь линзу; системой стратификации групповых, классовых коренных интересов на теоретическом уровне это знание становится идеологией права господствующей в социуме группы (класса, правящей элиты).

Таким образом, методологический инструментарий нашего исследования позволяет выделить в качестве содержания первой дефиниции искомого категориального ряда следующим образом: идеология права — это отраженная в теории система коренных интересов господствующей группы в сфере правового обеспечения и удержания власти.

Однако в человеческом обществе даже естественное состояние проявляется как навязанное извне. На этом основаны концепции теософии и сакральности, взгляды всех объективных идеалистических систем. Социальное бытие выступает как очеловеченное и способное к субъективному развитию, подчиняясь будто бы человеческим установлениям. Но сущность у них одна — это бытие, разворачивающееся в своих явлениях и уровнях структурной организации по отношению к становящемуся человеку; бытие, опосредованное строем человеческого общения и предметной деятельностью; точнее, разделением деятельностей, выступающим в социуме как общественное разделение труда.

Из сказанного вытекает, что, рождаясь в системе социальных отношений, опосредуя познание системами объективного и субъективного характера на каждый момент собственного становления, идея права формирует единство производности правовых бытия и сознания, воплощаясь через правовую идеологию норм, правил и санкций, становится в качестве феномена права. То есть, право как идея реальности (естественное право) через познающую и практическую деятельность реализует себя в конкретной социальной системе как субъективное своеправие господствующей страты (позитивное право).

⁶ Вся история человечества свидетельствует о стремлении людей к подлинной правде, естественным, неотчуждаемым правам, правовому равенству и справедливому правопорядку. Эти и иные ценности легли в основу многих философских концепций права. Философия права в ее аксиологической функции есть прямой мост, соединяющий философско-правовые воззрения с этической, нравственной сферой жизни и исследований. «Следует отметить, — считает А.К. Черненко, — что ценностная ориентация на «должное», идеальное вовсе не вступает в противоречие с познанием «сущего», а включает в себя последнее и более того — на его основе выводит и конструирует новую правовую реальность, которая в большей мере отвечает ценностным ориентациям человека, справедливому общественному порядку и строю.

Фактически можно говорить о том, что никакое позитивное право не может быть шире в своем логическом содержании, чем идея права, но в то же время предельно понятным становится и тот факт, что именно идея права, взятая в качестве естественного права и есть цель диалектического снятия противоречия становления социальной реальности, то есть, снятия самое себя в правовой форме, как возвращение человека, отчужденного процессами общественного разделения труда, к себе самому, своему естественному состоянию. Но уже на ином витке исторической спирали развития, в условиях иной внешней среды обитания.

В данном контексте важно и иное: позитивное право — не только конкретизация природы права (естественного права) и индивидуализация ее реальности как своего правового момента, оно выступает также и как способ, посредством которого общество через деятельность преследующих свои практические интересы людей, опосредует сущность права как природы. А посредством разделения деятельностей (труда) и отношения к его результату — конкретно-исторической форме собственности, позитивное право выступает и как форма, в которой право как закон отчуждается от права как природы. То есть «цепочка» (реальность — идея права — отчуждение — деятельность — правовая реальность — конкретная правовая система) формируется, логически разворачиваясь через событийный спектр человеческой истории конкретных человеческих сообществ, культур, цивилизаций, общественно-экономических формаций.

* * *

Принято считать, что высшим законом логики развития (истории) человеческих сообществ, как сознательно организованных форм социальной реальности, выступает реализация потенциала сознания как высшего феномена природы. При этом отмечается, что к настоящему времени эта цель самими людьми еще не осознана. Она лишь отражает возможность и внутреннюю неизбежность возникновения таких законов логического в каждый конкретный момент становления исторического.

В таком формате предполагается, что, возникнув однажды как феномен природы, человек в качестве субъекта истории и, параллельно, социум, в коллективных формах его организации развиваются по законам той формы движения материи, которая в исследовании дефинирована как социальная; одновременно развивая и формообразуя ее в качестве внешнего объекта. Таким образом, человек, как биологический носитель сознания, наряду с самой природой (в том числе социальной средой), — является системно и условием, и средством реализации ее возможностей⁷.

⁷ Здесь допустимо говорить о том, что начиная с триады неандертальцев, кроманьонцев и денисовского человека мы — как процесс развертки логического качества человека в любом объеме понятия, незавершенный исторически, биологически и, в особенности, духовно субъект (вид). Представляется, что бросая взгляд на множественность деградиционных и аморальных тенденций современности,

В ракурсе данного суждения возможно говорить о том, что в универсальном качестве феномена природного развития человек проходит энергетически и субстанционально различные уровни организации природной среды обитания, такие как биологическая среда, этнический кормящий ландшафт, социальный (общественное развитие) и разумный (ноосфера).

Социальную стадию, и как природный феномен (хотя и рукотворный), и в качестве особой формы движения материи целесообразно исследовать по ступеням становления социальности в параметрах общественно-экономических формаций и формирующих их способах производства.

Так же как природа, оставаясь фоном человеческого бытия, распадаясь на первую, естественную и вторую, искусственную, созданную руками и гением человека, — в каждом из своих качеств остается сильнее, в такой же пропорции и выделенные в качестве культур аспекты человеческого существования имеют определенную степень иерархичности, и даже энергетичности своих состояний [19; 20].

Биологическая культура человека, как феномен существует в биологии самого современного человека, как лоно, как матрица, как потенция, связанная формой внешних, по отношению к ее сущности, природных состояний человеческого бытия. Тем самым она является одновременно потенциальной энергией всех метаморфозов человечества. Из ее кладовой, как из природы, только и может черпать силы и возможности становящийся человек.

Такая же градация, по крайней мере, логическая, существует и во взаимоотношениях каждой из конкретных культур истории. Биос более энергетичен, чем этнос; этнос — чем социум, социум — чем логос. Каждая из предшествующих культур, став и завершившись, не исчезает, а превращается в основу, на которой развивается более высокая культура. Более высокая развивается, а более низкая, завершенная, — удовлетворяется. Не в биологии человека ключ к развитию, а последовательно — в завершении культур этноса, социума и становлении логоса.

Если об этносах и социумах можно говорить как о кинетических состояниях истории, то биос — потенциальная энергия развития, а ноосфера — идеал — мнимый фокус, субъективное отражение этой потенции в движущейся, борющейся и развивающейся материи человеческих сообществ [19, с. 76].

Следовательно, в момент формирования, да и в процессе всего хода истории, являясь данным, как свойство своего биологического носителя, — сознание не может быть решающим фактором ни формообразующих принципов истории, как становления ее конкретных состояний-культур, ни формообразующих категорий познания. Наоборот, внешние условия бытия и биологическая организация человека выступают в качестве таковых.

можно выделить существующее человечество именно как то недостающее звено, которое располагается между высшими приматами как нашими предками и Человеком в качестве цели развития потенциала жизни Вселенной, которым данное промежуточное звено может и не стать.

Именно с этих позиций доминирующим условием появления человека как личности выступает не его разумность или этническая принадлежность, а дающая возможность первого, биологического, завершения социальность, как организованная совместно адаптивная деятельность.

Поэтому в действительности отношения власти и подчинения как скреп первичной коммуникативной адаптации предшествуют отношениям собственности, но не в либеральном смысле [17], не в деспотичности древних культур смысл этого периода, а в том, что в конкретных условиях завершения биологической культуры никакой иной признак несущественен. Еще животная деятельность могла быть преобразована в труд только при сильной социальной организованности как внешнем, подобно всей остальной природе, факторе, инвариантном и безразличном к собственно человеческому бытию.

Только переживая восточные деспотии, и именно в них человек становится человеком. И отношения господства-подчинения в них между людьми также наличны и неосознаваемы, как аналогичные отношения человека с природой. В данном ракурсе представляется возможным осмыслить практически и вывод Ф. Ницше о воле к власти как единственном принципе бытия [21, с. 17–93]. Уже (и еще) в восточных деспотиях, великих культурах древности, — он не имеет значения, так как отношения господства-подчинения — не цель, не принцип, а лишь наличное объективное условие. Оно еще и природно в полном смысле слова, в условиях внешней среды, и естественно в качестве простого принципа организации и структурообразования. Лишь по мере нарастающего в условиях этногенеза доминирования социума как аспекта и как ведущей тенденции, с появлением опосредующих естественные отношения людей, отчуждающих их, общественных отношений, — они также приобретают отчужденную, иллюзорную, в целом ложную, форму, следующую за предметной, вещной жаждой обладания — волю к власти.

Данный подход позволяет описать этот процесс циклически, в границах трех суперциклов или трех цивилизационных волн.

С появлением и развитием информации как специфического предмета человеческой деятельности⁸, ее продукта, уже не сводимого к любой возможной форме собственности, и средства для ответа вызовам природного и социального развития, — для человечества стал необходимостью поиск осуществления перехода к иной форме собственной организации, определяемой с различных идеологических позиций как коммунистическое, постиндустриальное или информационное общество⁹.

⁸ Ряд исследователей склонны определить этот процесс, как освоение информационного поля социума, другие приводят доводы в пользу вненаучных подходов, а мы склонны, признавая частичную истину в каждом из отмеченных суждений, опираться на собственный вывод о процессе замены системы отсчета, то есть, по существу, расширения горизонтов познания, где меняются, уже не без помощи деятельного разума, «законы сборки», введенные в качестве понятия Н.Н. Моисеевым.

⁹ Несмотря на тотальную цитируемость отмеченных дефиниций, мы считаем (хотя это отдельная тема), что как раз об обществе, в любой его форме, как результате действительно происходящего процесса качественных перемен, говорить было бы ошибочно.

В дискурсе современных представлений в таком человеческом сообществе превращенные формы заменяются на естественные, труд уступает место деятельности, разделение труда — всеобщим формам его кооперации; стратификация вместо социального основания получает свою естественную, природную сущность; авторитет власти сменяется властью авторитета, а производство орудий труда, как ведущая социальная тенденция, уступает место производству человека. На смену завершающему свою работу социуму на историческую сцену выходит юный логос.

Однако волновым, циклическим характером можно описать лишь очеловеченные, то есть, живые, формы этнической истории. Содержание социальной истории, отражая законы движения общественных систем, логично, и в логике своего становления может быть раскрыто только линейно, относительно своего главного вектора движения — развития форм разумной деятельности. Собственно, социальная история и есть история человеческой деятельности.

* * *

Подчиняясь законам социального бытия, отчуждаясь в процессе осознания деятельным человеком своего места в системе общественного разделения труда, как внешняя среда, право получает имманентную форму собственного существования — правовую реальность. Таким образом, складываясь частично объективно, частично субъективно в процессе субъективной, но определяемой законами природы и общественного развития, деятельности человека, правовая реальность существует для него в качестве объективной, данной в ощущениях природой и системой общественных отношений.

Выступая в каждый конкретно-исторический период объективной данностью, правовая реальность выступает как источник правовых отношений, возникающих по поводу этой данности. Вместе с тем, по мере разделения труда и роста отчуждаемых от природного человека отношений, формированием интереса деятельного, преследующего свои интересы субъекта, происходит становление права как идеи, субъективной правовой реальности, в которой доминирующую роль играет не только осознание человеком и обществом естественных границ правовой реальности, но производство правовых знаний и правовой практики, производство позитивного права.

Таким образом, право в действительности становится как особый род социальной деятельности. Право как объективная правовая реальность, право как идея, как субъективная правовая реальность и право как процесс, как деятельность, интегрирующая всеобщее-конкретное как идею и конкретно-всеобщее как природу. С этих позиций деятельность человека в социуме отчуждает право в его специфическом, разделенном существовании, формирует бытие правовой реальности в ее социальной форме. Деятельность, в свою очередь, выступает в историческом процессе в определенных, конкретно-исторических формах. Само по себе данное суждение имеет отношение не к

правовой тематике, а относится к познавательным системам, исследующим объективные и субъективные условия в сфере экономики, то есть в том, как человек ведет свое материальное хозяйство.

Вместе с тем, для того, чтобы понять точный смысл права, как наиболее позднего пласта отношений отчуждаемой в процесс присвоения действительности, приведенное суждение является убедительным аргументом такого смыслового обоснования. Дело в том, что с момента отделения публичной власти от демоса, в условиях уже сформировавшейся цивилизации традиционного типа, человек, вырастая при помощи орудийной вооруженности над окружающей средой, сам, отчуждая ее, попадает под действие тройственной зависимости.

Во-первых, на него действует власть природной реальности, с которой в меру непознанности, он вынужден считаться.

Во-вторых, такой же властью по отношению к человеку начинают оказывать и условия социальной среды, которые опосредуют его, проявляясь в двух формах. С одной стороны, человек в совокупности со средствами труда выступает как производительная сила соответствующего общества, то есть конкретная форма деятельности, социально-исторический феномен. С другой, — в ходе деятельности человек в качестве субъекта экономики вступает в определенные отношения с другими людьми. Это общение определяется как производственные отношения. И, хотя это отношения деятельных людей, по отношению к ним самим в процессе отчуждения, они (эти отношения) также выступают в качестве объективной реальности, получая свою долю внешнего господства.

Данный процесс, проявляющийся как акт присвоения обществом природы, опосредованной и тем самым отчужденной конкретными производственными отношениями, в марксизме представлен как способ производства. При этом, как отмечает С. Платонов, природа (естественная среда и социальность) присваивается не в абстрактно-доисторической, давно несуществующей форме, а в общественно-определенной форме основного производственного отношения.

Процесс смены и формирования способов производства мы подадим по логической канве С. Платонова¹⁰. Общество, по его мнению, на определенном этапе своего развития становится тождественным своему господствующему способу производства и в этом качестве неразложимом на абстрактные «природу без общества» и «общество без природы», представляет собой органическую целостность и выступает как субстанция-субъект дальнейшего общественного развития¹¹.

¹⁰ Правильным было бы при описании процесса и механизма становления способов производства, которые с капитализмом становятся уже в качестве общественно-экономической формации просто пересказать по книге С. Платонова «После коммунизма», но в нынешнем понимании оригинальности цитирование в стиле Гегеля или Маркса по десяткам страниц необходимого текста, считается заимствованием.

¹¹ См.: Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати - М., 1990. Авторы этой книги под коллективным псевдонимом предложили крайне интересную и почти непротиворечи-

Борьба нового способа производства с прежним и его победа означают присвоение обществом самого себя через конкретную форму нового производственного отношения. Новым содержанием, присвоенным в этой форме, является, таким образом, уже не доисторическая, а очеловеченная природа, то есть, природа в оболочке исторически предшествующего основного производственного отношения. Новый способ производства в качестве «общества» присваивает прежний в качестве «природы». При этом новая основная форма деятельности присваивает прежнюю в качестве своей производительной силы¹².

В результате развития производственной деятельности человека между абстрактной природой и присваивающим ее абстрактным индивидом воздвигается цепь посредников, вложенных друг в друга типов производственных отношений, отражающих историческую последовательность способов производства. Присвоение природы оказывается ее отчуждением и наоборот [22].

«Присвоение природой самое себя имеет место уже на биологической ступени эволюции. Субъект присвоения, прежде чем стать обществом, выступает как биологическое сообщество, вид.

Социальные механизмы воспроизводства стереотипов значительно расширяют диапазон, резко ускоряют темп эволюционного развития, при этом сохраняя биологическую универсальность отдельных индивидов. В этом смысле человек с самого начала выступает как *zoon politikon*, общественное животное, то есть, такое животное, стереотипы поведения которого заложены не в нем (генетически), а вне его, в социальной (первоначально этнической) форме общения. Сущность человека не в его генотипе, а в совокупности всех общественных отношений. Поэтому животным рождаются, человеком лишь становятся.

Таким образом, основным производственным отношением архаического способа производства является стереотип, обычай.

По мере развития и усложнения стереотипных форм деятельности и поведения механизм их воспроизводства через подражание становится ограничением этого процесса. Возникает система регулирующих социальное поведение норм и правил, воспроизводство которых осуществляется через специальный механизм обучения и социального контроля. Форма общения приобретает новое качество — становится ритуализированной: соблюдение каждым индивидом форм принятой деятельности и поведения контролируется сообществом извне. Тем самым создается возможность передачи через процесс обучения сложных форм деятельности типа технологических цепочек, состоящих из многих этапов или операций. Важнейшую роль при-

вую концепцию становления формационного ряда, из которого для нашего исследования значимым представляется становление права как общественного отношения, опирающегося на производственный базис и проявляющееся как субъективное правоотношение объективного для общества в качестве правового поля, правовой реальности.

¹² См.: Там же.

обретает состоящая из двух этапов цепочка «изготовление орудия — использование орудия». Если для воспроизводства стереотипного использования орудия достаточным является механизм подражания, то воспроизводство технологии изготовления орудия с необходимостью связано с механизмом обучения и внешним контролем. Основным производственным отношением этого способа производства — первично-коллективного — является ритуал, «пред-мораль».

Последним из трех доисторических способов производства, то есть таких, где еще не возникла частная собственность в какой бы то ни было форме, является родовой способ производства. Возникает род, который выступает теперь как основное производственное отношение.

Следующие три слоя отчуждения образуют основные производственные отношения первобытно-общинного, азиатского и рабовладельческого способов производства.

В первобытнообщинном, как известно основным производственным отношением является отношение личной собственности. В качестве опосредующего звена оно вклинивается в отношение между индивидом и родом, к которому он принадлежит.

Азиатский способ производства возникает как обеспеченное военным путем господство одной общины над другими. Основным производственным отношением является внеэкономическое принуждение или отношение непосредственной эксплуатации. Причем, первичным, неразложимым далее объектом эксплуатации выступает целостная община, а не отдельные индивиды.

В рамках рабовладельческого способа производства «голое» внеэкономическое принуждение опосредуется законом как отношением регламентации. В качестве основного производственного отношения закон устанавливает порядок, вид, меру насилия, применяемого только в каждом конкретном случае нарушения регламентируемых им отношений. Закон делает возможным поддержание контроля над огромными разноплеменными империями, обеспечивает развитие торговли. Способ деятельности, связанный с внеэкономическим принуждением, выступает здесь как производительная сила в различных формах рабства, регламентируемых законом.

Последние три слоя отчуждения составляют основные производственные отношения феодализма, абсолютизма и капитализма.

В отличие от закона, жестко предписывающего, регламентирующего определенные действия, право лишь устанавливает систему ограничений, в пределах которых возможны любые действия, не выходящие за их рамки.

Только начиная с этой стадии возможно говорить о «правах» и «обязанностях», «индивидуальной свободе» и «взаимных обязательствах».

Смещение закона с правом в обыденном понимании является следствием того, что право в качестве более позднего слоя отчуждения по отношению к предыдущему выступает как форма по отношению к содержанию. То есть, закон как свод регламентации превращается в закон как свод ограничений, то есть, в закон, в котором фиксируется право.

Начиная с четвертого способа производства природа присваивается индивидом только в форме личной собственности. Каждое последующее производственное отношение поочередно выступает как новый способ присвоить предмет природы в качестве своей личной собственности, однако оно же тем самым на одно звено увеличивает цепь посредников между собственником и предметом его вождлений. Насилие — это способ присвоить чужую личную собственность; закон — способ превратить неограниченный грабеж в контролируруемую производительную силу; право — способ поставить закон на службу противоречивым интересам собственников; деньги — способ приобрести право; капитал — способ приобрести деньги.

Здесь цепочка посредников обрывается, поскольку уникальность капитала как производственного отношения состоит в том, что он есть самовоспроизводящееся отношение, есть способ произвести самого себя, именно поэтому капитал является последней формой отчуждения» [22].

Еще раз подчеркнем, что, с нашей точки зрения, материалистическое понимание предыстории — это исследование социума с позиций выделения его как естественно-исторического процесса. Предельно важно, выражаясь словами классиков, то, что в нем господствует «не рафинированная “феноменология духа”, а грубая феноменология развития вырастающих из природы производительных сил».

Фактически можно говорить о том, что правовые отношения (закон как ограничение) предшествуют в любом случае идее права или праву как таковому. Значимым следствием этого развернутого в историческом контексте логического содержания формирования социального феномена права выступает возможность научного и объективно обоснованного анализа целого ряда современных правовых идей, таких как естественные права личности, правовой смысл гендерных преференций и правовое отношение к такой социальной санкции (мере социальной защиты), как смертная казнь. Смысловое поле всего отмеченного содержится не в границах текстов позитивного права — законах, указах и т.д. Правовое понимание вытекает из того, что право в качестве правоустанавливаемых институтов — это отражение даже не вторичного контура реальности в социальной форме, а третичного, отражающего параметры правового бытия.

Исходная позиция концепции естественных прав в той форме, в которой она подается общественному мнению, представляется неверной по трем позициям. Во-первых, никаких естественных прав человека в естествен-

ной среде обитания не существует по действительному положению вещей. Естественное право одно, оно может быть сформулировано только как возможность выжить, причем только в условиях натурализма естественного отбора. И никак иначе.

Во-вторых, источником не только обязанностей, но и реальных прав человека как личности выступает конкретная форма социальности, содержание и границы тех общественных систем, в которых личность находится.

В-третьих, по отношению к гражданским правам роль социума выполняет государство. При этом и во втором, и в третьем случаях необходимо иметь в виду, что и набор обязанностей и права формирует сам демос, понимаемый либо как народ, либо в качестве гражданского общества.

Таким образом, являясь в каждый конкретно-исторический период объективной данностью, правовая реальность выступает как источник правовых отношений, возникающих по поводу этой данности. Вместе с тем, по мере разделения труда и роста отчуждаемых от природного человека отношений, формированием интереса деятельного, преследующего свои интересы субъекта, происходит становление права как идеи, субъективной правовой реальности, в которой доминирующую роль играет не только осознание человеком и обществом естественных границ правовой реальности, но производство правовых знаний и правовой практики, производство позитивного права [23].

Идеология права как субъект социальной реальности превращается в правовую идеологию как методологию и предельно широкое теоретическое основание направлений теории права и функционирования конкретных национальных правовых систем и юридических институтов.

* * *

Мы уже подчеркивали, что социум структурируется собственной политической системой. В любой из ее модификаций доминирующими выступают экономическая подсистема как объективизация господствующего способа производства и субъективная составляющая, общественное сознание, отражающее объективные реалии на уровнях общественной психологии и политической идеологии. Если ядром целеполагания представляется система идей, то завоевание и удержание политической власти возможно только при должном и необходимом содержании социальной психологии, превращающей качественную инновацию в социальную рутинизацию политического процесса.

Правовая реальность производна от политической, следовательно, применительно к политическому процессу и политическим институтам выступает, как их обоснование правовой теорией. Фактически, если политическая идеология представляет собой отраженный в теории коренной интерес

господствующего класса, то мировоззрение права уже в форме правовой идеологии обеспечивает реализацию коренного интереса уникальными методами и способами, находящимися в потенциале функционирующего права.

В этом ключе становится возможным определить категориальное место практически всех субъектов правоотношений и политических акторов и дефинировать правовую сущность основных институтов государства и права.

Основная категория социальности — это общество, в котором индивидуум посредством социализации становится личностью. Таким образом, личности, соединенные скрепами коммуникации, становятся нацией или народом и в этом качестве формируются как элементы гражданского общества.

Главным понятием в политической системе — ее ядром — выступает государство, но по Гегелю, и уже как строй политического общения. Здесь личность через систему правового воспитания и основы правовых знаний становится гражданином.

Когда личности в качестве гражданского общества взаимодействуют, образуя публично-правовой союз с собою же в качестве политического строя общения, то есть с государством, именно это взаимодействие и порождает палитру функционирования социума.

Из сказанного вытекает дискуссионное следствие: государство не является объектом дефинирования по признакам «правовое» или «неправовое»; в социуме идея права выступает в качестве возможности реализации любого из групповых интересов, тогда как государство обязано реализовать правовую политику как обязательство интегрированного и защищенного интереса каждой страты. Таким образом, со времен гегелевского понимания общества и государства, правовым или неправовым может быть общество, а государство всегда представляет собой в его гражданских границах строй политического общения и потому правовым является по определению¹³.

Поэтому необходимо различать границы действия закона и права в своих полных объемах относительно таких субъектов (и объектов) общественной структуры как общество и государство. Ведь в реальной жизни они в государстве осуществляются через вещную и практическую деятельность граждан или бюрократии.

И так же, как в любом случае государство представляет собой более поздний слой отчуждения, чем социум, то в силу инерции, если для членов общества (граждан) в действительности действует сила права как система ограничений, то для представителей государства (бюрократии) определяющим выступает сам закон как свод предписаний и регламентаций.

¹³ Представляется ли право данного государство легитимным, является ли оно справедливым, — это действительные вопросы, но не по характеру государства, а по тому, что лежит в основе политики господствующих страт.

Внешне, по отношению ко всем подсистемам и структурным элементам политической и социальной систем, государство выступает правотворцем, правоустановителем, правоприменителем и гарантом реализации прав граждан, исходя из возможности интеграции интересов личностей общества, но не руководствуясь ними в качестве обязанности.

Обязанности же в сфере правового взаимодействия граждан по отношению к государству безусловны и неоспоримы. Здесь имеется в виду методологическое определение систем как взаимодействия целого и его частей.

Политика в любом случае отражает не всю совокупность социальных отношений господства и подчинения, а только их сущностную часть — отношений по поводу власти. Таким образом, правовая политика в целом — деятельность по завоеванию и удержанию власти специфическими юридическими способами. То есть, по отношению к политике право выступает как специальный властный инструмент. Как направление, предметной сферой которого является регулирование нормального и девиантного поведения граждан и институтов в интересах групп и корпораций гражданского общества, доминирующих в институтах государственной власти. Вне этого порогового значения правовой политики в поле научных определений существовать не может.

С точки зрения математического моделирования, конструкция деятельности, в результате которой возрастает хаотичность системы, неэффективна. Однако в поле социальных отношений эффективность политики, как отношений по поводу власти, определяется не оптимальностью процессов общественной жизнедеятельности, а коренными и даже сиюминутными интересами доминирующих групп, реализующих собственные властные полномочия. Общество и граждане интересуют их постольку, поскольку служат либо источником благ, либо угрозой власти.

Правовая политика является социальным феноменом в силу того, что никакая форма политической власти не может существовать вне своего нормативно-правового обеспечения. Мы уже отметили, что обеспечивается, в том числе юридическим инструментарием, претензия на власть господствующими стратами или корпорациями и ее эффективная защита в случае обладания таковой политической властью.

Следовательно, в этом случае представляется возможным существование правовой политики в строгом предметном поле. О прочих аспектах содержания юридических дисциплин применительно к политическому полю необходимо говорить лишь как о направлениях государственной, в том числе правовой, политики в определенной сфере. То есть, если существует проблема, наличие которой улучшает или усугубляет правовой ресурс действующей власти, она посредством принятия политических реше-

ний и их реализации снимает проблему, мешающую потенциалу правового ресурса.

Вместе с тем, правовое мировоззрение, идеология права, как сторона общественного сознания, дает основание для иного прочтения соотношения идеологии и политики в обществе.

Применяемая методологическая основа призывает следовать фундаментальным конституционным позициям, согласно которым субъектом властных политических отношений в обществе является народ, делегирующий свои полномочия демократическим институтам политической власти.

Такая постановка проблемы делает возможным выделение в качестве сущностных не только отношения социальных групп по поводу власти, но и отношение народа к любой форме политической власти как к комплексному ресурсу жизнеобеспечения всего общества.

На уровне такого рассмотрения политика будет выступать уже как деятельность представительной функции государства по обеспечению сохранения и развития социальных отношений. В этом случае появляется возможность строгого определения правовых аспектов политики государства.

Таким образом, правовая наука имеет собственный ресурс в политическом процессе, однако конкретные формы юридической практики предстают как объекты, а не субъекты государственно-политической деятельности и, следовательно, выступать источниками политики, например, уголовно-исправительной, не могут по определению.

Иное прочтение — это путь построения утопической, пусть даже «одетой» в самые новомодные математические и кибернетические методологии, модели.

В принципе практически общеизвестно, что посредством права государство выполняет в отношении общественной безопасности строго очерченные функции. К ним можно отнести государственную политику по поддержанию и развитию уровня социально-экономической обеспеченности всех слоев населения в границах социально значимой нормы; деятельность по обеспечению обратной связи в вопросах, требующих государственного решения с целью минимизировать социально негативные протестные и реактивные формы общественного поведения; правовую работу по оптимизации юридических, то есть нормативных границ дозволенного и недозволенного в параметрах минимизации возможностей не просто девиантного, а прямо преступного поведения отдельных категорий социума и индивидов.

Формы деятельности по обеспечению внешнеполитической и военной безопасности имеют собственную специфику и не входят в предмет данного исследования.

И, наконец, учитывая, что наличие коммуникативных возможностей референтных мировых элит, технологические цифровые возможности формирования общественного сознания в целом и правосознания, в частности, превращают поле субъективного интерактивного восприятия в арену как воспитания, так и предметных полей информационных гибридных войн, представляется актуальным, и даже остро необходимым формирование портфеля правовых идеологий, способных дать возможность не только противостоянию виртуального вторжения, но и победе в этом противостоянии¹⁴.

Поэтому попытка либерального крыла общественнознания превратить государство в продавца услуг, а политический процесс — в конкурентно-коррупционный механизм группового и личного обогащения, в конечном счете разрушают вначале правовое мировоззрение, а затем превращаются в жесткую классовую политическую идеологию.

* * *

Подводя краткий итог исследования, представляется возможным сказать следующее.

Право в ходе становления своего логического содержания прошло значительный путь в событийных рядах истории. Мы отметили характер и законы его формирования в объективной форме отношений между людьми, в их числе производственных, общественных и духовных.

Вторым направлением стало описание возникновения и существования феномена идеологии права как правового мировоззрения, в качестве феномена общественного сознания и основы правовой теории в универсальном содержании.

И, наконец, через правовую деятельность в сферах правотворчества и правоприменительной практики мы раскрыли момент становления правовой идеологии как системы правового обеспечения политики правящих страт, классов или элит при помощи правовой сферы.

В заключение еще раз сформулируем тезис о том, что, проходя исторический путь, логически право становится как особый род социальной деятельности. Становление права в качестве объективной правовой реальности осуществляется в процессе реализации (логической развертки) права как идеи, как субъективной правовой реальности в право как в конкретную форму деятельности и конкретный юридический институт (национальный, познавательный, отраслевой).

¹⁴ Немаловажным и значимым представляется воспитание понимания того, что в условиях именно идеологического противостояния, все решения властных элит и внутри страны и за ее пределами осознаны в полном понимании любого прочтения смысла этого суждения.

Список литературы

1. Жукова Н.С. Правовая идеология, как неотъемлемый структурный элемент правосознания // *Философия права*. 2011. № 2 (45). С. 73–77.
2. Кузьмин Ю.А. О роли правового сознания в формировании правовой идеологии // *NOVAINFO.RU*. 2017. Т. 1. № 60. С. 226–231.
3. Бачинин В.А. Философия преступления: классические парадигмы // *Криминология: вчера, сегодня, завтра: труды Санкт-Петербургского криминологического клуба*. 2002. № 4 (5). С. 26–42.
4. Чернявский А.Г., Червяков Н.Н. Обновленная теория государства (поиск новых концептов) / *Государство и право*. 2019. № 1. С. 136–143.
5. Мацко С.В. Государственная идеология и право современной России (теоретико-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Уфа, 2003. 204 с.
6. Чернявский А.Г. Роль и значение идеологии для государства и права. М.: ИНФРА-М, 2016. 287 с.
7. Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
8. Аубакирова И.У. О проблеме соотношения евразийского типа государственности и правовой системы в современном юридическом дискурсе // *Российская юстиция*. 2017. № 10. С. 49–51.
9. Бурнашев Г. А. Ценностные аспекты правовой культуры и правовой идеологии, их влияние на правоприменительную политику // *Молодой ученый*. 2018. № 48. С. 107–110.
10. Геращенко А.И., Геращенко И.Г. Политико-правовая идеология в современной России // *Studia Humanitatis*. 2017. № 1.
11. Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2017. 384 с.
12. Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки / под ред. А.В. Корнева. М.: Норма; Инфра-М. 2016. 495 с.
13. Чернявский А.Г. Идеология и мировоззрение в формировании правосознания и политической мысли // *Образование и право*. 2019. № 5. С. 63–67.
14. Михайлов А.М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2017. Т. 21. № 3. С. 355–379.
15. Карасев В.И. Социальная трансформация: некоторые аспекты методологии исследования электоральной демократии // *Гражданин. Выборы. Власть*, 2017. № 3. С. 30–68.
16. Карасев В.И. Философия права в контексте глобальной социальной трансформации // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2018. № 3. С. 100–122.
17. Карасев В.И. Право и политика в демократическом обществе: некоторые аспекты методологии и теории современного исследования // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. № 1. С. 42–65.
18. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997. 149 с.

19. Карасев В.И. Общество, государство, цивилизация: к теории становления. М., Воронеж: Московский психолого-социальный институт: НПО «МО-ДЭК», 2000. 224 с.
20. Карасев В.И. Россия: общее и уникальное в контексте мирового развития. М.: Альм., 1999. 212 с.
21. Ницше Ф. Антихристианин / В кн. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 17–93.
22. Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., 1990. 255 с.
23. Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция как механизм социальной деградации. М.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 448 с.